

Янь Цзымо поднял Янь Жочжэня и отнёс его в сад, уложив на заранее приготовленное кресло, покрытое толстым слоем шерсти. Он поправил положение тела, и Янь Жочжэнь с удовольствием закрыл глаза, наслаждаясь солнечным светом.

Янь Цзымо сел у его ног, положил ступни отца на свои колени и начал массировать их. Ноги Янь Жочжэня, долгое время не использовавшиеся, немного атрофировались, и стопы опустились. Глядя на своего отца, Янь Цзымо вдруг подумал о том, как Ю Лило, потеряв семью и страдая от боли, смог выдержать всё это. Янь Цзыцин был его опорой все эти годы, но теперь ради государства он должен был оставаться в одиночестве. Разве это правильно?

Евнух Цянь, заметив задумчивость Янь Цзымо, спросил:

— Восьмой принц, с вами всё в порядке?

Янь Цзымо мягко покачал головой:

— Всё в порядке, просто в последнее время много дел, и я часто отвлекаюсь.

Евнух Цянь с пониманием кивнул:

— Вы и седьмой принц — опоры Тяньнина. Без вас государство не достигло бы таких успехов. Но и трудитесь вы много. Слуги говорят, что император каждый день работает с докладами до глубокой ночи.

Янь Цзымо кивнул в знак согласия:

— Мне немного легче, у меня нет такого давления. Седьмой брат же несёт на себе огромную ответственность.

Янь Цзымо вдруг почувствовал жалость к Янь Цзыцину. Все возложили на него тяжёлое бремя, не спрашивая, хочет ли он этого. Теперь, зная правду, он должен был хранить её ради блага всех. Янь Цзымо, никогда не любивший лгать, чувствовал себя как муравей на раскалённой сковороде, не находя покоя.

Гу Шу подошёл издалека, поклонился Янь Жочжэню и Янь Цзымо и сказал:

— Восьмой принц, император устроил сегодня вечером пир в императорском саду и пригласил нас.

Янь Цзымо вздрогнул:

— Седьмой брат что-то знает?

Гу Шу покачал головой:

— Вряд ли. О письме знаем только мы с вами. Седьмой господин, вероятно, просто хочет с кем-то поговорить. Ведь за всё это время он действительно страдал.

Янь Цзымо кивнул:

— Хорошо, я обязательно приду.

Вечером Янь Цзымо и Гу Шу уже были в императорском саду, но Янь Цзыцин ещё не пришёл.

Примерно через час он наконец появился.

— Докладов было слишком много, заставил вас ждать, — сказал Янь Цзыцин.

Под глазами у него были тёмные круги. Янь Цзымо отвернулся, не решаясь смотреть ему в глаза. Янь Цзыцин всегда был его героем, как и сам Янь Цзыцин восхищался Му Тинъе. Но даже тот, кто не знал усталости в боях, теперь выглядел измождённым. Янь Цзымо знал, что всё дело было в чувствах.

— Седьмой брат, давайте начинать, а то еда остынет, — предложил Янь Цзымо, пытаясь разрядить обстановку.

— Хорошо, давайте.

Трое сели за стол. Янь Цзыцин велел слугам удалиться, и они сами накладывали себе еду и наливали вино, что сняло часть формальностей.

Янь Цзыцин поднял бокал:

— За последний год я благодарен вам, братья, за вашу поддержку. Я выпью первым.

С этими словами он осушил бокал.

Янь Цзымо попытался остановить его:

— Седьмой брат, мы же договорились пить вместе, зачем одному?

Янь Цзыцин улыбнулся:

— Тогда я должен выпить ещё один бокал с вами, чтобы не быть единственным.

Они выпили ещё по бокалу, и Янь Цзыцин добавил:

— А теперь я накажу себя за то, что пил один.

Янь Цзымо и Гу Шу переглянулись: видно, Янь Цзыцин решил сегодня напиться. Они пытались остановить его, но безуспешно. В конце концов, Янь Цзыцин перестал пить из бокала и начал пить прямо из кувшина.

— Седьмой брат! — Янь Цзымо попытался отнять кувшин, но Янь Цзыцин схватил его за руку.

— Цзымо, ты знаешь, я давно не напивался. Дай мне эту возможность.

Янь Цзыцин перестал называть себя «императором», и Янь Цзымо понял, что он действительно хочет забыться.

Янь Цзымо сел обратно и вместе с Гу Шу наблюдал, как Янь Цзыцин пьёт кувшин за кувшином.

Янь Цзыцин, держа кувшин, смотрел на луну:

— Как вы думаете, где он сейчас?

Янь Цзымо поднял взгляд, но Янь Цзыцин не повернулся, продолжая пить и бормотать:

— В той комнате раньше был его запах, но теперь ничего нет. Он словно исчез, будто его

никогда и не было. Но моё сердце говорит, что это не так! Он был!

Глаза Янь Цзыцина наполнились слезами, и две струйки потекли по его щекам.

— Седьмой брат, — тихо позвал Янь Цзымо, но Янь Цзыцин уже не слышал его. Он встал, пошатываясь:

— А-Ло, не уходи, не уходи!

Янь Цзымо и Гу Шу не смогли удержать его, и все трое упали на землю. Янь Цзыцин лежал неподвижно, и они испугались, что он мог пораниться.

Они быстро проверили его и увидели, что он лежит лицом вниз, сжимая кулаками землю. Подняв голову, они увидели, что его лицо было в слезах:

— А-Ло, А-Ло!

Глаза Янь Цзымо и Гу Шу тоже наполнились слезами. Когда Янь Цзыцин устал плакать, они отнесли его в покой.

Янь Цзымо попросил Гу Шу отдохнуть, а сам остался у постели Янь Цзыцина. Глядя на своего героя, ставшего таким, он почувствовал, как сердце сжимается от боли.

Янь Цзымо подошёл к окну и смотрел на луну, пока не взошло солнце.

Янь Цзыцин проснулся с ужасной головной болью:

— Цзымо.

— Седьмой брат, ты проснулся! — Янь Цзымо помог ему сесть.

Янь Цзыцин потер виски:

— Уже время идти на совет?

Он попытался встать.

Янь Цзымо удержал его:

— Седьмой брат, не торопись. Сначала посмотри это.

Янь Цзыцин выглядел недоумевающим. Янь Цзымо подал ему письмо Цинфэна. Прочитав его, Янь Цзыцин широко раскрыл глаза, и слёзы потекли из них:

— А-Ло, он... он Му Тинъе? Он Му Тинъе!

Янь Цзымо кивнул:

— Да. Теперь понятно, почему он отравил отца. Ведь отец уничтожил семью Му, и Му Тинъе мог бы убить его, но не сделал этого. Мы должны были извиниться перед семьёй Му.

Руки Янь Цзыцина дрожали, сжимая письмо. Он почувствовал, как камень с сердца упал. После рыданий он пошёл на совет, как обычно, но на этот раз он был другим. Он больше не выглядел угрюмым, и Янь Цзымо не мог понять, что он задумал. Он думал, что Янь Цзыцин

бросит всё и отправится к Ю Лило, но тот спокойно занимался государственными делами, словно ничего не произошло.

Если бы не улыбка, появившаяся на лице Янь Цзыцина, Янь Цзымо мог бы подумать, что ошибся, и Янь Цзыцин ничего не знал.

Через месяц Янь Цзыцин вызвал Янь Цзымо в кабинет и передал ему рукописный указ:

— Цзымо, за этот месяц я уладил все дела. Военную власть передаю Гу Шу, а государственные дела обсуди с нашими дядями. Они опытные и помогут тебе. Я разобрался с делами в Наньцзяне и северных пустынях, ты можешь действовать свободно.

Янь Цзымо наконец понял, что Янь Цзыцин не уходил, а просто расчищал ему путь. Тронутый, он опустился на колени:

— Седьмой брат!

Янь Цзыцин поднял его:

— Драконья мантия на кровати. Я ухожу, Цзымо. Спасибо. Ты лучше подходишь на роль императора.

Янь Цзымо смотрел на удаляющуюся фигуру Янь Цзыцина, одетого в белое, с мечом за спиной. Это был тот самый герой, которым он всегда восхищался.

Янь Цзыцин, почти не отдыхая, добрался до Сучжоу за сутки. Он нашёл маленький дом, о котором писал Цинфэн, и встретил его, выходящего за покупками. Увидев Янь Цзыцина, Цинфэн заплакал:

— Седьмой господин!

<http://bllate.org/book/16758/1541013>